



И. В. Красавин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: СВЯЗИ, ОТНОШЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ

Ключевые слова: система, сеть, сообщество, организация, историческая эволюция, отношения, капитал, власть, рост, трансформация

Введение

Цель настоящей статьи — представить модель организации общества как эволюционирующей сложной динамической системы, состоящей из политико-экономических отношений. Одним из слабых мест анализа социальной эволюции является объяснение ее организации. Как правило, подобные объяснения следуют дисциплинарному разделению наук на социологические, экономические, политические и культурные исследования. Обычно социальная эволюция рассматривается как основанная на каком-то частичном аспекте общества, который относится к отдельной дисциплине, но трактуется как универсальный. Тем же страдают и междисциплинарные подходы, *de facto* базирующиеся на отдельных дисциплинах и их категориях, которые берутся в качестве универсальных и самоочевидных. Марксизм использует классовый конфликт, геополитика объединяет географию и политику, либеральный подход (включая исследования глобализации) — экономику и институциональную теорию, политические исследования имеют дело с ценностями и т.д.

Во всех этих случаях причинно-следственные связи политики, экономики и культуры смешиваются без объяснения их взаимного влияния. Реальное общество представляет собой систему, самоорганизующуюся посредством взаимодействия экономических, политических и культурных отношений в социальных связях индивидов и групп. Проблема заключается в отсутствии политико-экономической модели общества как самоорганизующейся системы, для которой реальные связи сообществ первичны, а объясняющие теории вторичны. Само понятие системы должно быть объяснено исходя из эволюционных изменений социальных связей, институтов и акторов.

Концептуализация общества как системы — скажем, в мир-системном анализе в рамках исторической социологии — обычно мало говорит о его функциональной организации; это просто метафора, применяемая к разным композициям политико-экономических отношений¹. Разделение мир-системы на ядро, полупериферию и периферию, даже верное фактически, не объясняет, почему сообщества поддерживают данный порядок. Чтобы стать более точной, мир-системная теория нуждается в определении институциональных форм в качестве

¹ Denemark, Friedman, Gills, Modelski (eds.) 2000; Валлерстайн 2001.

² *Aglietta 1979; Boyer 1990; Jessop 1990.*

³ *Montias 1976; Montias, Ben-Ner, Neuberger 1994; Öyken 1996; Haddad 2002.*

⁴ *Burt 1992; Stark, Vedres 2010.*

⁵ *Арриги 2008; Лахман 2010.*

набора фундаментальных социальных отношений, как это сделано, например, в экономической теории регуляции². В свою очередь, способы регуляции, связанные с институтами производства и накопления, нуждаются в объективных критериях, объясняющих структуру системы. Как показывают исследования представителей ордолиберального направления в сравнительной экономической теории³, такие критерии может дать морфологический анализ политико-экономических отношений и процесса принятия решений. Объединив подходы всех трех теорий, мы можем получить эволюционную модель сложной социальной системы с основной морфологией политических и экономических отношений.

Понятие системы используется здесь для обозначения самоорганизующейся социальной сети, отношения в которой являются институтами, воспроизводимыми в политических и экономических действиях. Подобные сети отнюдь не нейтральны и обладают собственными структурными свойствами: «структурными дырами (пустотами)» и «структурными складками»⁴. Посредством различных эффектов связности/разобшенности сети деловых и политических организаций воздействуют на системы политико-экономических отношений. И наоборот, функционирование разных способов производства и накопления (капитала) воздействует на сети связей между сообществами и организациями (что было продемонстрировано в работах Джованни Арриги и Ричарда Лахмана⁵). Таким образом, эти отношения структурируются в ходе процесса самоорганизации, и их общая система не только функциональна, но также социальна и исторична (эволюционна). Функциональные способы производства, накопления и управления суть примеры социальных порядков, однако они не представляют всей социальной системы, будучи лишь ее частными вариациями.

Социальная система состоит из последовательностей политико-экономических отношений и демонстрирует самоорганизацию поведения, которое зависит от ситуации. Такая система воспроизводит себя, стагнирует в отсутствие стимулов и меняется при их наличии. Она метастабильна и репродуцируется во всех типах организации политико-экономических институтов. А значит, задача заключается не только в том, чтобы описать политико-экономическую морфологию отношений или различные типы социальных систем, но и в том, чтобы показать, при каких условиях возможен переход от одного типа системы к другому, как этот процесс протекает в реальном времени и как можно им управлять.

**Пролегомены
к анализу
социальной
системы**

1. Необходимо согласиться с тем, что понятие «общество» — не более чем абстрактная идея. В реальности люди живут не в обществе, а в сообществе, которое всегда конкретно, имеет место и время существования. Группы и классы тоже абстрактные понятия, статистические совокупности признаков, характерных для представительных сообществ.

2. Существование сообщества происходит в реальном необратимом времени, поэтому любая его модель должна строиться с учетом изменений во времени и пространстве.
3. Сообщества являются сетями, организованными как фрактальные множества, то есть буквально некоторым количеством людей, чьи отношения обладают свойством самоподобия (полного повторения) и/или самоафинности (повторения частного признака).
4. В качестве сети сообщество имеет топологическую структуру связей: взаимное расположение и количество связей влияют на степень интенсивности процессов.
5. Никакое отношение (в отличие от сущности) не значимо само по себе. Любое отношение получает значение в контексте других отношений и может быть представлено только в качестве переменной.
6. Будучи фракталами, отношения воспроизводят себя путем копирования и масштабирования. Социальная система мультимасштабна: она состоит из множества сообществ с различными объемами связей и различной временной последовательностью таковых.
7. Непосредственная причинно-следственная связь характерна для отношений одного уровня, тогда как остальные уровни создают условия для возможной реакции. Наложение условий предопределяет наиболее вероятную реакцию системы по принципу наименьшего сопротивления.
8. Политико-экономическая организация социальной системы представляет собой управление социальным временем как последовательностью отношений и событий. Различия политико-экономических институтов суть реакция системы на внешние события и призваны регулировать социальное время для воспроизводства системы.
9. Подобие социальных отношений предполагает для каждого из человеческих сообществ одни и те же типы отношений, из которых складываются институты. Конкретные комбинации политико-экономических институтов различаются вследствие разных условий эволюции сообществ.
10. Поскольку отношения подобны друг другу, процессы комбинирования отношений и институтов обратимы. Но так как они существуют в необратимом времени, то образуют постоянные паттерны (институты) путем группирования различных последовательностей отношений вместе с последовательностями связей, с которыми они ассоциируются.
11. Самоорганизация социальных систем не делает их рефлексивными, они остаются зависимыми от структуры распределения отношений и длительности процессов.

Типы отношений

⁶ Мосс 1996:
209—216.

⁷ Поланьи 2001.

⁸ Смит 1993:
212—221, 390—392;
Мизес 2005:
224—226, 243—245.

⁹ См. Boyer s.a.

Выше было постулировано, что для воспроизводства социальной системы все сообщества используют одни и те же типы экономических и политических отношений. Экономические отношения образуют три идеальных типа. Первый тип взаимодействия — это *дар*, или установленные отношения как такового⁶. Демонстративные траты являются инструментами привлечения политической поддержки и повышения статуса. Путем демонстрации собственных возможностей дарящий как субъект действия ставит в неравное положение одариваемого, который признает свою зависимость. Второй тип — *распределение*. Распределение включает в себя правила регуляции отношений и статусов участников взаимодействия (стейкхолдеров), вовлекая их в отношения социального долга⁷. Распределение предполагает социальную ответственность стейкхолдеров: они удерживают свои позиции до тех пор, пока это отвечает коллективным интересам остальных. Третий тип — *обмен*, который осуществляется с помощью равной меры предметов обмена, или эквивалентности⁸. Возможность включения социальных качеств в разные виды отношений и процессов определяет ликвидность вещей и услуг. Мера эквивалентности соответствует степени ликвидности, что нивелирует разницу условий и задает понимание обмена стейкхолдерами.

Политические отношения образуют два идеальных типа: *насилие* и *компромисс*. Насилие — это воздействие без добровольного согласия. Присутствие насилия говорит в первую очередь о том, что существующая сеть отношений делает нерациональным построение длительных договорных связей. Тонкая практика общения — это компромисс. Он появляется тогда, когда издержки насилия слишком велики, чтобы ими пренебрегать. Устроение отношений в этом случае происходит путем сведения интересов и контактов стейкхолдеров в конфигурацию, обеспеченную постоянной поддержкой и взаимным контролем⁹. Компромисс делает стейкхолдеров заинтересованными в поддержании коммуникации, поэтому практика одностороннего насилия в долгосрочных отношениях всегда проигрывает политике многосторонних договоренностей.

Компромисс как тип политических отношений распадается на два подтипа: *консенсус* и *диссенсус*. Консенсус, или согласие относительно общих целей, встречается тогда, когда притязания различных сообществ удовлетворяются общей политикой. Диссенсус, или согласие относительно общих рисков, не предполагает общих целей или иного согласия относительно позитивных усилий и удовлетворяемых притязаний. Он предусматривает согласие в том, чего необходимо избегать. Диссенсус является правилом, консенсус — исключением, возникающим в особых обстоятельствах политического пата (о чем еще будет сказано ниже).

Следующие типы отношений связаны с формами организации экономических и политических действий. Самый простой тип экономической организации — *рента*, или потребление без производства. Ранта не производит сам, а потому не контролирует условия, создающие его доход. Более сложный и активный уровень экономической организации — *производство*; собственно говоря, производством можно

¹⁰ Райнерт 2011:
82—84.

назвать любую систему с положительной обратной связью¹⁰. Производство продукта или отношений подразумевает преобразование исходных условий в некие новые, качественно или количественно. Социальная система характеризуется своей способностью к производству многочисленных контактов и связей, что позволяет сообществу максимизировать свои ресурсы и воздействовать на внешнюю среду.

Вопросы взаимного контроля и поддержки решаются сообществом в рамках политической организации, которая аналитически делится на три типа. Первый тип — это *симметричная модель*, при которой объем прав и возможности позиционирования участников соответствуют друг другу. Политическая организация не отвечающих этим условиям сообществ представлена двумя полярными типами — *автократией* и *равноправием*. Автократия, включая все виды авторитарных и гибридных режимов, предполагает, что сообщество отчуждено от политического управления. Равноправие может рассматриваться как своего рода синтез симметрии и автократии. Это наделение стейкхолдеров равными правами при неравных возможностях.

Управление социальным временем и иерархия групп

¹¹ Олсон 1995:
30—32, 34—38.

Самоорганизация социальной системы осуществляется в форме институционального управления сообществом. Такое управление (operation) может быть двояким и касаться как настоящего, так и будущего. *Управление настоящим* затрагивает текущий момент, текущее положение людей как членов социальных сетей, друзей, коллег, соседей и т.д. Ситуация в группе обеспечивает формальное равенство участников. Иной характер носит *управление будущим*, ибо для поддержания существования человеческих сообществ требуется контроль над групповыми практиками с помощью иерархии¹¹. Действия иерархизированного сообщества становятся проективными, а социальная структура — неравной.

Например, в небольших сообществах первобытных охотников-собирателей управление группой затрагивало только текущий момент. Относительно регулярных природных циклов действия этих сообществ оставались статичными. Индивидуальная сложность коммуникации там была, безусловно, высокой, но коллективная — низкой. Напротив, для иерархизированных сообществ характерно прямо противоположное — низкая индивидуальная сложность коммуникации и высокая коллективная (поскольку иерархичные институты ориентированы на достижение результатов в будущем). Такими стали сообщества земледельцев — неравными, с иерархизированными институтами, чьи действия нацелены не на следование природным циклам, а на их предупреждение и воспроизводство.

С точки зрения способности управлять социальным временем всех участников социальной системы можно поделить на три группы. Самой общей и многочисленной является группа участников неформальных отношений, которых объединяют территория и язык, то есть народ, который управляет настоящим временем. Вторая группа — это

институционализованные участники (организации, компании, государственная бюрократия и ассоциации гражданского общества). Начиная с этой группы социальная организация ориентирована на достижение результатов в будущем и предполагает иерархию. Возможности аккумуляции отношений и сопутствующих ресурсов здесь гораздо шире, чем в рамках неформальных сообществ. Наконец, третья группа охватывает тех, кто облечен признаваемой властью и потому неизмеримо превосходит окружающих в плане воздействия на социальное время. Решения власти касаются всего «народа», но «народ» эти решения не инициирует. Наличие такого управляемого пространства отличает властную группу элит, которая не только следит за исполнением правил, но и непосредственно их принимает¹².

¹² Бродель 2006: 461—464.

Каждый человек принадлежит к группе «народа», часть входит при этом и в группу институционализованных участников, а еще меньшая часть совмещает присутствие во всех трех группах. В отношениях разных групп одни и те же люди создают разные сообщества и разные ситуации. Коммуникация заранее смоделирована социальными позициями, которые в реальном времени обусловлены тем, как их носители управляют своим настоящим и будущим. Группы — это статистические образования, эффект институциональной организации. Каждый участник одновременно развернут сразу к нескольким сторонам взаимодействия — внешней, необратимой, определяющей горизонт возможностей и ограничений, и внутренней, обратимой, распадающейся на конкурирующие и контролируемые отношения. Соответственно, горизонты внутренних и внешних отношений разных групп неодинаковы. Горизонт элит наибольший, но они всегда зажаты между требованиями собственного сообщества и ограничениями со стороны других (внешних) сообществ. Народ не глуп, однако горизонты отношений составляющих его индивидов слишком невелики. Вследствие слабости связей политические интересы народа, как правило, аморфны.

Пространственные факторы социальной системы

Первым пространственным фактором организации сообщества является *доступная экологическая ниша* его существования. В полной мере этот фактор проявлял себя в первобытном обществе, тогда как все последующие изменения социальной системы вели к созданию социальной ниши. Второй пространственный фактор — расположение сообществ относительно друг друга (*геостратегическая ниша*). Чем больше контактов с соседями способно установить сообщество, тем быстрее идет процесс его дифференциации и усложнения институтов. Сообщества, сопоставимые по уровню социальной организации, эволюционируют в направлении взаимного обогащения и разнообразия. Если сообщество окружено соседями с более простой социальной организацией, то оно их ассимилирует.

Экономические отношения способствуют возникновению социальной ниши для роста населения. В свою очередь высокая плотность

контактов влечет за собой ускорение социального времени. Поэтому третьим пространственным фактором любой социальной системы выступают *величина и плотность населения*. Пребывая в средоточии контактов, сообщество быстрее меняется и развивается; будучи их лишено — воспроизводит свою социальную структуру, не деформированную ни внешним воздействием, ни внутренней конкуренцией. Однако если остальные условия, в которых находится сообщество, неудовлетворительны, фактор населения перестает оказывать влияние на скорость социального времени.

Средства социальной организации

Социальная система организуется при помощи *власти и капитала*. Достижение власти как согласия на подчинение осуществляется посредством контроля над политико-экономическими процессами. Отличие контроля от власти заключается в том, что контроль, помимо заданных условий, не предусматривает самостоятельности или самоорганизации отношений и стейкхолдеров. Власть, напротив, предполагает самостоятельность, самоорганизацию стейкхолдеров и возможность образования ими различных конфигураций отношений.

Первая ипостась власти — это чье-либо *доминирование* в отношениях и действиях индивидов, групп, организаций, сообществ. В этом случае коммуникативные возможности остальных стейкхолдеров подавляются или произвольно нарушаются в интересах обладателей власти, чьи позиции успешно совмещают частные притязания и общие потенции. При таком положении вещей мы видим низкую динамику отношений и слабую вовлеченность стейкхолдеров. Несмотря на то что одностороннее доминирование заведомо несправедливо, подобная конфигурация отношений обычно не меняется до тех пор, пока не вмешиваются внешние (для системы) события. Внешнее вмешательство приводит к фрагментации отношений и (временному) исчезновению зависимости стейкхолдеров. Результатом становится патовая ситуация с последующей трансформацией отношений.

Другая ипостась власти — *гегемония*, или добровольное подчинение и поддержка, — предполагает учет интересов стейкхолдеров сообществом их коммуникативным возможностям¹³. Подобная ситуация всегда временна, поскольку ее перманентная динамика работает против нее самой. Здесь стейкхолдеры в состоянии реализовать себя и своим присутствием обеспечить социальный компромисс.

Капитал как средство социальной организации представляет собой плод неэквивалентного обмена, результатом которого становится умножение задействованной ценности. Он создается из разницы условий нескольких обменов, разнесенных во времени и пространстве. Эти условия не идентичны, и одна и та же вещь в разных ситуациях или местах имеет разную ликвидность¹⁴. Таким образом, капитал есть активы, контакты и логистика, посредством которых ситуативные ценности превращаются в эквивалент, ликвидный во времени и пространстве.

¹³ Laclau, Mouffe
2001: 40–59,
125–144; Bobbio
1993: 48.

¹⁴ Мизес 2005:
683–685.

¹⁵ Burt 2000.

Поскольку капитал наиболее производителен тогда, когда он наиболее ликвиден, владельцы и распорядители капитала стремятся универсализировать свои отношения, при том что остальные виды деятельности и сообщества они предпочли бы видеть сепарированными¹⁵. Чем больше капитал, тем выше его возможности по организации обменов, тем шире его логистика и ценнее активы. Внизу социальной пирамиды царит жесточайшая конкуренция, вершина гораздо более спокойна. Власть нельзя отдать и вернуть назад с приращением, а капитал можно.

¹⁶ Marglin 1974: 62—63.

Итог — власть может быть распределена и требует взаимного участия, тогда как капитал всегда концентрирован и держится не участием, а подчинением. Капитал строго иерархичен и неизменно ставит стейкхолдеров в зависимость от крупнейшего игрока¹⁶. Сам по себе капитал не абсолютен, и его ценность зависит от того, в какой последовательности обстоятельств он окажется. Эти обстоятельства, естественно, формируются системой отношений, посредством которых сообщество себя воспроизводит.

Капитал по сравнению с властью вторичен, но обладает рядом примечательных свойств. Власть присутствует уже в силу существования сообщества и участников отношений, связанных совместной жизнью. Капитал, чтобы стать самим собой, должен свои отношения организовать, поэтому его появление рано или поздно ведет к дроблению коллективных активов и возникновению активов частных. Если власть привязана к коллективным интересам сообщества, то капитал образуется как в частных, так и в коллективных интересах. Если власть обладает политически признаваемым суверенитетом, то капитал зависим от решений власти. Власть не всегда следует рациональным стратегиям капитала, что объясняется ее зависимостью от состояния сообщества, поддерживать существование которого в привычной для людей форме она призвана. *Капитал и власть — это стратегии и средства организации* социальных отношений, которые могут развертываться при самых разных институциональных устройствах.

Режимы работы социальной системы

Функционирование социальной системы в процессе воспроизводства может протекать в двух основных режимах — *замкнутом* и *разомкнутом*. Эти режимы не тождественны конкретным институтам политического или экономического управления (governance) и характерны для всех социальных систем. Институциональная эволюция сообщества, включая появление государства и частной собственности, происходит за счет размыкания предшествовавшей системы отношений и создания новых институциональных форм. В ходе этого процесса меняется степень интенсивности контактов. Замкнутый режим — это обычное для большинства людей и организаций состояние системы. Относительная редкость или дисперсность контактов, ничтожность или неликвидность активов — вот главные показатели замкнутой структуры организации.

Зафиксировать присутствие разомкнутого типа организации в историческом процессе достаточно просто — именно при нем мы можем наблюдать взрывной рост коммуникации, обмена, производства, урбанизации и утонченной культуры. Разомкнутое сообщество целенаправленно изменяет мир вокруг себя и себя в этом мире, реагируя на обстоятельства коммуникации. Прежде всего размыкание касается свободного занятия экономической деятельностью и участия в управлении (governance) сообществом. Для достижения разомкнутого режима необходимо, чтобы под воздействием внешних факторов внутри сообщества элит установился политический пат и ни один из стейкхолдеров не мог надолго подавить других. Невозможность односторонней монополизации социальных связей, капитала и власти заставляет сообщества включать друг друга в сферу взаимодействия и признавать общие институты. При помощи признаваемых институтов происходит многосторонняя секторальная монополизация политико-экономических отношений разными социальными группами.

Монополия фиксирует социальную динамику, и потому не только элиты, но и остальные группы заинтересованы в монополизации тех позиций, в которых находятся и которые связаны с различными уровнями социальной иерархии в политике и экономике. Рабочие и служащие хотят получать высокую зарплату, мелкие буржуа мечтают о защите от конкуренции со стороны гигантов бизнеса, средним и нижним социальным группам нужен периодический доступ к власти для корректировки институциональной структуры в свою пользу. Эти группы разных уровней иерархии отнюдь не гомогенны и всегда состоят из конкурирующих и сотрудничающих сообществ, создаваемых движением конъюнктуры. Поэтому, даже получив социальную монополию, они остаются зависимыми от институционального контроля элит¹⁷.

¹⁷ Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011.

NB! В концепции Дугласа Норта и его соавторов в эту схему включены два типа социально-политической организации — «естественное состояние» и «открытый доступ к ресурсам». Если первый тип организации предполагает возводимые политически преграды в доступе к ресурсам, что создает ренту, обеспечивающую поддержание стабильности, но замедляющую развитие, то при втором, утвердившемся в западных странах, социальный порядок поддерживает не рента, а конкуренция, и это превращение составляет стержень новой и новейшей истории. Появление институциональной теории можно только приветствовать, но апология собственного институционального порядка ей все же присуща — во многом вследствие того, что она фокусируется на описании отдельных институтов отдельных сообществ, оставляя без внимания систему их взаимной коммуникации. Без этого дилемма неравного развития по-прежнему напоминает апорию Ахиллеса и черепахи, ибо непонятно, как же неразвитым сообществам превратиться в развитые. Это тем более важно, что, хотя западные сообщества

конкурентны, их элиты тоже живут рентой и старательно контролируют ее, а потому наличие в развитых сообществах конкуренции объясняет далеко не все.

¹⁸ Райнерт 2011: 104.

Появление и рост стоимостей, многочисленных потребностей и услуг вызывают к жизни насыщенную и диверсифицированную коммуникацию возрастающей отдачи¹⁸. Разомкнутое сообщество обеспечивает возможности для экономической и политической самореализации индивидов и групп на всех уровнях социальной иерархии сообразно с характером общественного договора. Однако такое состояние социальной системы всегда временно. Когда институциональная структура отношений достигает предела расширения и роста, она трансформируется, а любая система отношений, в том числе разомкнутая, имеет свой предел.

Неравномерная дифференциация естественным образом порождает локальные концентрации капитала и власти, которые, увеличиваясь, снижают риск неуправляемой динамики, но, став чрезмерными, подавляют эту динамику в принципе. Процесс концентрации активов и связующих отношений в неравных социальных условиях приводит к разрушению монополий социальных групп, ломая фиксированный прежде институциональный порядок. В том случае, если сообщество не может изменить институциональную структуру, оно перестает поддерживать высокую динамику и контактность участников и переходит в замкнутый режим. В разомкнутом режиме рост и расширение затрагивают все сообщество, тогда как в замкнутом рост одних групп происходит за счет разорения других.

Состояния социальной системы

Толчком к переходу системы от замкнутого к разомкнутому режиму работы служат несколько факторов, или состояний ее воспроизводства. *Расширение пространства социальных связей* предполагает развитие и распространение коммуникативных возможностей, количественное увеличение активов. Взаимное размыкание отношений зависимости создает предпосылки для взрывного роста. Децентрализация размыкающихся сообществ проходит одновременно с концентрацией связей среди новых стейкхолдеров, что удерживает систему от распада. Становление динамичной системы отношений на локальном уровне, внутри какого-то сообщества, всегда обусловлено обстоятельствами внешнего характера. Масштабы роста и усложнения социальных связей тем больше, чем выше готовность стейкхолдеров к консенсусу по вопросам, касающимся их интересов и действий.

Переход социальной системы в состояние *трансформации* связан с достижением *институциональных пределов* отношений, свидетельствующим об исчерпании возможностей воспроизводства в рамках этой системы. Невозможность управления трансформацией в интересах общества ведет к сравнительной регрессии и снижению социальной динамики. Одним из следствий неуправляемой трансформации становится

сдвиг отношений в направлении более мелких и периферийных центров власти. Управляемая трансформация признает изменение и расширение социального пространства, допуская к властным отношениям новые сообщества и организации.

Перемены могут породить *патовую ситуацию* в отношениях социальных групп и сообществ, когда ни одна из сторон не в силах навязать свои условия остальным¹⁹. Патовая ситуация уравнивает их политические возможности, а наличие контактов ускоряет распространение социальных связей вовне. Рост социальных связей — следствие консенсуса в условиях патовой ситуации. Способность политических отношений данного типа концентрировать и распределять связи позволяет управлять собой и воздействовать на другие сообщества.

¹⁹ Лахман 2010:
172.

Если компромисс принимает форму диссенсуса, то фиксация политического пата, которую он обеспечивает, удовлетворяет претензии стейкхолдеров, но не позволяет им изменить согласованную систему отношений изнутри. Более того, изменение социальной системы вследствие ее роста неизбежно превращает консенсус в диссенсус. Преобразование согласия по целям в согласие по рискам указывает на начало расхождения участников в их целях, связях, институтах и практиках. Сообщество консенсуса в состоянии управлять всем доступным разнообразием отношений, тогда как сообщество диссенсуса может справиться лишь с той институциональной структурой, которая гарантирует неизменность. Консенсус способен привести к интеграции участников, а диссенсус — только сохранить их разрозненность.

Компромисс означает достижение социальной системой внутреннего равновесия во внешней неравновесной среде, что порождает разные *виды экспансии* — *военное насилие* и *экономический рост*. Военное насилие требует концентрации активов. Экономическая экспансия, помимо концентрации, предполагает удовлетворение притязаний различных социальных групп и мотивирование их активности. Способность сообщества ограничить коммуникативные возможности своих соседей во время экспансии усиливает ее положительные эффекты для этого сообщества и отрицательные — для остальных.

В случае если увеличение активов и политического влияния элиты идет параллельно с ростом богатства и политического участия остальных групп, его следствием становится экспансия и возвышение общества. Но обогащение элиты может происходить за счет этих групп, подавляя их экономические и политические возможности. Здесь следствием будет «пир во время чумы» и на первый взгляд необъяснимая деградация сообщества при внешнем блеске высшей страты. Проблема в том, что бесконечная экспансия конечной социальной системы невозможна, как невозможно иерархическое подчинение всех сообществ интересам и воле отдельных стейкхолдеров.

Рост и экспансия социальной системы непосредственно связаны с возможностью трансформации ее институциональной организации в ответ на расширение и уплотнение взаимосвязей сообществ.

Вхождение сообщества в более обширную социальную систему размыкает локальные связи, что обеспечивает динамику отношений, завершаясь агрегированием активов элитой и достижением пределов роста. Способность сообщества найти компромисс и сделать порядок отношений взаимоприемлемым позволяет создать новую институциональную структуру, готовую продолжить рост и экспансию. Если компромисс найти не удастся, сообщество ждет распад институтов, уменьшение связей и сужение влияния. Дифференциация сообществ и трансформация социальной системы вызывают стремительный рост, не менее стремительный закат и долгие периоды застоя. Задача всякого политико-экономического режима заключается в том, чтобы осуществлять управляемую трансформацию с учетом изменений в организации социальной системы.

**Историческая
эволюция
социальной
системы**

²⁰ *Frank, Gills 1995.*

Поскольку с появлением иерархичных сообществ практика целенаправленных обменов, в том числе на дальние расстояния, утвердилась в качестве постоянной, применительно к догосударственной эпохе можно уверенно говорить о наличии мировой системы отношений²⁰, благодаря которой сообщества влияли друг на друга (посредством военных вторжений, экономической экспансии, а также изменения внутренней структуры институтов). То, что торговля велась в основном предметами роскоши или редкими металлами, нисколько не умаляет ее значения. Объекты обмена обладали высокой стоимостью, а их производство требовало разделения труда, так что сам факт обмена концентрировал профессиональные контакты и вызывал социальную дифференциацию сообществ. Другое дело, что бедность большинства населения и отсутствие массового спроса превращали капитал в монополизированную ренту высшей страты, которая использовала ее для демонстрации собственного статуса и содержания вооруженных сил, поддерживавших власть.

Социальная эволюция, как следствие, была неравномерной, но эта неравномерность была обусловлена факторами, никак не относящимися к особенностям культуры, ментальности или самосознания народов. Многочисленность контактов и необходимость производства способствовали относительно быстрой эволюции, тогда как отсутствие контактов (как у народов Северной Сибири) и возможность жить с природной ренты (как в Юго-Восточной Азии или Тропической Африке) консервировали отношения. В этом плане весьма показательны сравнение афро-евразийских сообществ, тесно контактировавших между собой, и американских, каждая цивилизация которых начинала все заново. Первая американская цивилизация, норте-чико в Перу, появилась одновременно с египетской, в III тыс. до н.э.; следующая, ольмеки в Мексике, — уже только во II тыс. до н.э. После гибели норте-чико в XVIII в. до н.э. новая культура в Перу возникла лишь в I в. н.э. Что характерно, социальная организация американских сообществ очень напоминала древний мир Евразии и Северной Африки, тоже закончившись эпохой обширных империй, но на тысячу лет позже.

Если обратиться к современности, нетрудно заметить, что бедные, медленно развивающиеся сообщества повторяют политико-экономические институты богатых. Однако в отсутствие отношений, нацеленных на рост, они полностью зависят от внешней среды. Это обусловлено не только их пребыванием на периферии мировой экономики, но и собственными действиями. Структура их внутренних отношений монополизирована элитами, которые выступают частными посредниками между внутренней и внешней экономикой, а граждане политически пассивны. Включение ранее бедных или подвергшихся разрушению стран в международные политико-экономические отношения на основе компромисса между ключевыми стейкхолдерами приводит к быстрому и продолжительному росту, как это было с Германией и Японией в середине XX в., а затем с Сингапуром и странами Юго-Восточной Азии. При отсутствии же реального компромисса и сохранении безусловной монополии элит, как в случае с Россией или странами Латинской Америки, такое включение, напротив, рождает зависимые сообщества со слабой рентной экономикой. Подобные сообщества нередко осознают свои проблемы и понимают, какой набор мер способствовал бы их разрешению. Но как социальные системы они не в состоянии совершить необходимые коллективные действия, сочетая конкуренцию и поддержку в рамках компромисса.

Анализ политико-экономической эволюции социальных систем позволяет выделить два главных типа их организации, которые в той или иной мере присутствуют и в современных сообществах: *традиционный* и *капиталистический*. Устройство традиционного общества исходно предполагало коллективную собственность на основные активы, как природные, так и добываемые посредством обмена и производства. Увеличение контактов и усложнение практик вели к трансформации этого устройства: производимые и обмениваемые предметы становились частными, а ключевой актив (земля) переходил в собственность аристократии. Поскольку большинство сообществ были аграрными, а порядок внутри сельских общин был направлен на принудительное равенство, договор между населением и властными организациями заключался в коллективном распоряжении активами в обмен на ренту или труд. Небольшие размеры сообществ, относительная редкость контактов, коллективная собственность на основные активы делали постоянный административный контроль или поддержание рынка на обширных территориях невозможными. Поэтому первой (и не утратившей своей значимости по сей день) формой политико-экономического управления сообществами стала монополия на насилие и обусловленная ею рента в пользу верхушки иерархии²¹.

²¹ Тилли 2009: 42.

Увеличение количества людей, контактов и производимых продуктов дало толчок проникновению институциональной власти в жизнь сообществ, которое сопровождалось созданием административного аппарата управления, в то время как рынок и дифференциация переводили все больший объем имущества в частную собственность аристократии.

Нестабильность рынка и потребность в политическом позиционировании заставляли крупнейших собственников присваивать чрезмерную долю общественных средств и сил. В самой примитивной своей форме управление было рассредоточено среди множества полузависимых локальных сообществ. Они дробились и концентрировались, и особенности распределения активов непосредственно сказывались на дееспособности государства. По мере дальнейшей централизации властных институций в целях поддержания предсказуемых и приемлемых отношений подавляющая часть активов перешла в распоряжение государственной бюрократии.

Традиционное общество, первый модус управления будущим, основывало коммуникацию, изменяя мир вокруг себя и себя в этом мире, но оно не стремилось к изменениям. Залогом поддержки со стороны сообщества всегда был статичный характер институциональных отношений. Типичным ответом на нестабильность социальной структуры было родовое закрепление статуса индивида или группы, к которому прибегали если не все, то абсолютное большинство сообществ, тем самым пытаясь защитить социальный режим и людей от рискованных перемен. Родовой статус есть не что иное, как форма монополии, закрепленной за определенными группами людей и социальными секторами.

Другим общепринятым способом стабилизации социальной системы являлось тщательное отделение власти от капитала. То есть цель традиционного общества заключалась в поддержании статичного институционального порядка, в котором спонтанное расширение власти отдельных индивидов, групп, организаций последовательно ограничивается в пользу остального сообщества. Проблемой для управляющих институций была нестабильность коммуникации. Сообщества и элита до тех пор принимали общую юрисдикцию, пока на ее территории сохранялись необходимые экономические и политические отношения. Потеря государством или крупнейшими собственниками возможности обеспечивать коммуникацию немедленно влекла за собой раздробленность власти и превращала сообщества в сепаратистов по вере или по крови.

Расширение коммуникации породило разделение труда, сначала в рамках коллективной, а затем и частной организации, внутри сообществ и между ними. Появление у аристократов частных активов вызвало к жизни наемный труд и сферу услуг, которые росли в городах как местах концентрации контактов. Агрегирование контактов и разнообразие связей увеличивали не только количество продукции и услуг, но и их стоимость. В итоге тип отношений «центр-периферия» между сообществами и территориями оказался так же стар, как сама человеческая цивилизация.

Капиталистическое общество, второй модус управления будущим, подчиняет социальную иерархию и труд накоплению меновых ценностей, что целенаправленно деформирует уравнительную структуру через изменение социальных позиций участников. Социальная структура трансформируется, порождая возможность отчуждения привычных

статусов. Сообщество становится капиталистическим, если зависимость от динамики внешних и внутренних связей остается критически высокой и стейкхолдеры могут соединять свои частные и групповые интересы, активы и капиталы как внутри собственного сообщества, так и за его пределами.

Поскольку жизнь территориальных сообществ далеко не всегда удовлетворяет названным условиям, исторически капитализм как тип организации социальной системы принимали в основном профессиональные сообщества торговцев и крупных производителей, чьи объединения и сети носили экстерриториальный характер и до Нового времени мало влияли на государственные институты. Что касается территориальных капиталистических сообществ, то они начали возникать (в виде торговых государств) еще на заре цивилизации. Но хотя зачастую они демонстрировали чудеса эффективности, в предшествовавшие Модерну эпохи периодические трансформации неизменно заставляли их регрессировать к более простым формам организации.

Условием смены пути развития являлось достижение сообществом институциональных пределов роста, в свою очередь обусловленное невозможностью бесконечного расширения территориального влияния экономических и политических организаций, увеличения численности и доходов населения, накопления и концентрации активов в конечной институциональной структуре. Несмотря на различия в последовательности локальных процессов, можно выделить общий инвариант развития событий, воздействовавших на традиционные и капиталистические сообщества.

Сохранение гегемонии государственной власти требовало снижения социальных издержек, связанных с приватизацией и неравномерным распределением активов. Поддержание средней и нижней страт общества, борьба с односторонними экономическими и властными монополиями и чрезмерной концентрацией активов приводили к увеличению объемов рынка и обращающихся на нем ценностей. Сообщества включались в обмен, производство и культурное общение, расширяли взаимодействие территорий, урбанизировались. Однако итогом такого роста было усиление влияния крупных и концентрированных активов и капиталов, рано или поздно поглощавших свободные сообщества со всем их имуществом.

NB! Карл Поланьи приложил немало усилий, чтобы развенчать представление о рыночной природе древних цивилизаций, доказывая, что эти сообщества строились исключительно на распределении, и выводя отсюда два разных пути институционализации отношений — свободный рынок Запада и распределяющее государство Востока²². Нюанс в том, что параллельно он пытался доказать, что и свободного рынка как такового нет, что это теоретическая абстракция и организация рынка возможна только в ограничивающих социально-политических институциональных условиях.

²² См. Поланьи 2002.

Но если следовать его логике, то придется признать, что не бывает и полностью тоталитарных обществ, ведь отношения людей так или иначе включают торг и обмен. А значит, разделение сообществ на свободнорыночные и распределительные неправомерно, и можно говорить лишь о большей или меньшей роли обмена и распределения, об усилении или ослаблении роли буржуазии и бюрократии, которые одновременно используют и обмен, и распределение. При всем том замечания Поланьи о различных ограничениях, налагавшихся в древности на рынок, вполне справедливы, поскольку централизация доходов, активов и власти сдерживала дифференциацию и наряду с социальной стабильностью сохраняла привилегии правящих групп. Что касается рынка, то противопоставлять его социальной сфере нелепо, ибо конкуренция выполняет социальную функцию обмена путем снижения цен. Разрушительным рынок становится, когда некоторые его участники оказываются совершенно неконкурентоспособными вследствие социального исключения из системы взаимосвязей и монополизации отношений другими участниками.

Как в капиталистических сообществах, богатых частным и государственным капиталом, так и в традиционных, подвергшихся воздействию рынка, экономическая дифференциация и независимость от решений власти позволяли верхушке расширять свои активы за счет остальных, даже не прилагая к тому специальных усилий, после чего государство лишалось налогооблагаемой базы, а вместе с ней и существенной части своей силы. При невозможности решения проблемы путем военной или экономической экспансии начиналось разрушение институциональной структуры сообщества и распад государства, которое теряло власть, переходившую к отдельным представителям верхней социальной страты. В случае полного исчезновения государственных институций сообщество оказывалось уязвимым для вторжений извне, но при их сохранении верхушка оставалась в относительной политической и экономической неприкосновенности в пределах контролируемой территории.

Различия в институциональной организации сообществ были связаны с вариациями сочетаний капитала и власти, но сами эти сочетания не являлись вещь-в-себе, какими-то особыми практиками, за которыми скрывался некий специфический разум. Принципиальной способностью создавать различные политические и экономические институты обладали (и обладают) все сообщества. Разные институциональные устройства были следствием совокупности объективных условий коммуникации, в рамках которых формировались отношения власти и капитала. Как таковая способность к развитию определялась не атрибутивными различиями отдельных занятий, практик или норм, а самим фактом наличия социальных связей, вызывавших рост торгового капитала, военного насилия или административного контроля, и их интенсивностью. Роль и влияние землевладельцев, бюрократов

и капиталистов зависели от тех рисков, обязательств и возможностей, которые предоставляли внутренние и внешние отношения сообществ и которые нельзя было игнорировать. Именно они обуславливали формирование разомкнутых и замкнутых сообществ (в равной мере в экономике и политике) и регрессировали к примитивным формам в сложных обстоятельствах.

Эту деформацию вызывали процессы дифференциации и концентрации основных активов и власти, тогда как конкретные люди лишь воплощали объективные тренды, обусловленные ходом структуризации отношений. Под влиянием внешних факторов — конъюнктуры, политики соседей — внутренняя коммуникация социальных групп менялась: одни усиливались, другие ослабевали, происходила ротация элит и закрепление возникшей ситуации в новом институциональном соглашении. Аристократы превращались в буржуа, те в бюрократов, которые становились аристократами, и т.д. Реагируя на текущие процессы в сложившихся объективных условиях, верхушка сообщества соответствующим образом распоряжалась властью и активами, превращая их в монопольную ренту или создавая новые формы организации и включения стейкхолдеров. Если отвлечься от деталей, отражающих специфику конкретных занятий, инверсия отношений сообществ и групп покажет циклическую динамику. Все типы элит сравнительно успешно управляли сообществами и направляли институциональную структуру на выполнение необходимых для этих сообществ действий, если коммуникативная среда подталкивала их к тому. И столь же успешно, независимо от рода занятий и убеждений, они присваивали, формально и по факту, максимум общественных активов и деформировали институциональную структуру сообщества.

В слабо урбанизированных сообществах кратковременное расширение коммуникации и общий экономический рост порождали чрезмерную концентрацию земельных активов в руках местной и общегосударственной (имперской) верхушки, властной и торговой аристократии. Следствием было замыкание сообществ, выход территорий из общего рынка и политический сепаратизм, нередко приводившие к развалу государства. Зависимость от лояльности верхней страты не позволяла власти пойти на перераспределение активов, а сложность устойчивого управления слишком протяженными пространствами ограничивала возможности территориального расширения.

В урбанизированных сообществах с высокой социальной динамикой, где от рынка зависела большая часть населения, описанная выше ситуация дифференцированной концентрации была представлена тенденцией прибыли к понижению и стремлением деловых организаций к монополии: нарастающая конкуренция влекла за собой выравнивание прибылей и заканчивалась монополией (олигополией). Происходя на множестве рынков, этот процесс требовал институциональных изменений, поскольку доходы концентрировались в руках немногих стейкхолдеров, тогда как другим доставались расходы. Разрушив прежний

порядок, односторонняя монополия резко снижала и социальную динамику, и насыщенность коммуникации, сохраняя исключительное положение элит за счет остального общества.

Если институциональная структура не менялась, события принимали дурной оборот — архаизация отношений сопровождалась социальными бедствиями в виде безработицы, обнищания, голода и столкновений вплоть до гражданских войн. Большая плотность связей, по сравнению с традиционными обществами, позволяла сохранить территориальную целостность государства, но уровень развития социальной системы существенно снижался. Городские сообщества империй Древности и Средневековья становились аграрными, разделение труда и капитала «среднего класса» сменялось латифундиями немногочисленной верхушки.

В Новое время ввиду роста взаимосвязей между сообществами социальные издержки достижения институциональных пределов снизились, но политическая и экономическая экспансия каждого из гегемонов в таких случаях прекращалась, а влияние их сообществ сходило на нет. Одновременно исчезал выстроенный ими институциональный порядок — периферия необратимо менялась, и бывший лидер был уже не в состоянии ее контролировать.

Историческое развитие мирового и региональных рынков способствовало образованию сообществ со слабой государственной властью и сильным капиталом. Как следствие, государственная власть оказалась подчинена задачам, стоящим перед капиталом, что привело к ускорению экономического роста и появлению все более сложных форм политико-экономической организации. В отличие от прежних времен, когда при перенакоплении капитала его приходилось переводить в земельные и другие материальные активы, возникла возможность существования свободных потоков финансовой коммуникации, независимой от властных институций. В подобной ситуации банкиры правят миром, в особенности те, кто способен влиять на принятие властных решений.

Однако чрезмерная концентрация таких потоков снижает производительность социальной системы. Во-первых, столь огромный капитал не в состоянии найти себе применение в слишком маленьких или небезопасных институциональных объединениях сообществ. Капитал накапливается быстрее, чем социальная система успевает создать ему сферу приложения. Одна часть общества страдает от нехватки объектов для инвестиций, другая — от бедности. Во-вторых, те объединения, которые производят и получают достаточно капитала, расширяют свое влияние и контроль над экономикой и политикой. Зависимость последних от центров скопления капитала выражается в крайней несбалансированности социальной структуры, которая при колебаниях конъюнктуры деформируется, вызывая трансформацию сообществ. Наиболее независимые и успешные сообщества втягиваются в борьбу за контроль над мировой системой и создание новых институциональных объединений. Попытки

стейкхолдеров адаптироваться к изменениям трансформируют старую политико-экономическую организацию. Капитал настолько расширяется, а возможности институционального контроля со стороны гегемона оказываются настолько ограниченными или неопределенными, что затраты сообществ в виде войн, долгов, непроизводительных трат становятся совершенно непропорциональными получаемым доходам и приводят к крушению системы гегемонии²³.

²³ *Арриги 2008:*
48—49.

Заключение

Институциональная политическая экономия сложной социальной системы должна базироваться на процессах самоорганизации сообществ. Такая модель включает в себя самые общие политические и экономические отношения. Трактовка отношений в качестве сетей связей позволяет объяснять изменения отношений изменениями связей. Тем самым в политико-экономический анализ включается временное измерение, что, в свою очередь, позволяет описывать социальную систему не только функционально, но и исторически. Отличительная особенность данного подхода заключается в его независимости от известных политических и экономических теорий. Каждая из теорий находит свое приложение в качестве методологии анализа конкретных процессов. Полученная методология является междисциплинарной и сводит вместе качественные характеристики сравниваемых процессов и понятий. Другая особенность предложенного подхода — его практическая направленность. Интерпретация процессов политико-экономической самоорганизации социальной системы во времени и пространстве имеет смысл только в том случае, если прилагается к анализу конкретных сообществ. Благодаря перечисленным выше свойствам представленной модели, качественный анализ может быть дополнен количественным.

Библиография

- Арриги** Дж. 2008. *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. — М.
- Бродель** Ф. 2006. *Игры обмена: Материальная цивилизация, экономика и капитализм*. — М.
- Валлерстайн** И. 2001. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. — СПб.
- Лахман** Р. 2010. *Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени*. — М.
- Мизес** Л. фон. 2005. *Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории*. — Челябинск.
- Мосс** М. 1996. *Общества, обмен, личность*. — М.
- Норт** Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. — М.
- Ойкен** В. 1996. *Основы национальной экономики*. — М.

- Олсон М.** 1995. *Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп.* — М.
- Поланьи К.** 2001. Экономика как институционально оформленный процесс // *Экономическая социология.* № 2.
- Поланьи К.** 2002. *Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени.* — СПб.
- Райнерт Э.** 2011. *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными.* — М.
- Смит А.** 1993. *Исследование о природе и причинах богатства народов.* — М.
- Тилли Ч.** 2009. *Принуждение, капитал и европейские государства: 990—1992 гг.* — М.
- Aglietta М.** 1979. *Regulation and Crisis of Capitalism.* — N.Y.
- Bobbio N.** 1993. *Thomas Hobbes and the Natural Law Tradition.* — Chicago.
- Boyer R.** *Regulation* (www.peri.umass.edu/fileadmin/pdf/other.../Boyer/ARTICLE.pdf).
- Boyer R.** 1990. *The Regulation School: A Critical Introduction.* — N.Y.
- Burt R.** 2000. *Structural Holes versus Network Closure as Social Capital.* — Chicago (<http://snap.stanford.edu/class/cs224w-readings/burt-00capital.pdf>).
- Burt R.** 1992. *Structural Holes.* — Cambridge.
- Denemark R.,** Friedman J., Gills B.K., Modelski G. (eds.) 2000. *World System History: The Social Science of Long-Term Change.* — L.
- Frank A.G.,** Gills B. K. 1996. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* — L., N.Y.
- Jessop B.** 1990. Regulation Theories in Retrospect and Prospect // *Economy and Society.* Vol. 19. № 2.
- Laclau E.,** Mouffe C. 2001. *Hegemony and Socialist Strategy.* — L.
- Marglin S.** 1974. What Do Bosses Do // *The Review of Radical Political Economics.* Vol. 5. № 2.
- Montias J.** 1976. *The Structure of Economic Systems.* — New Haven.
- Stark D.,** Vedres B. 2010. Structural Folds: Generative Disruption in Overlapping Groups // *American Journal of Sociology.* Vol. 115. № 4.

References

- Aglietta М.** 1979. *Regulation and Crisis of Capitalism.* — N.Y.
- Arrighi G.** 2008. *Dolgij dvadcatyj vek: den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni.* — М.
- Bobbio N.** 1993. *Thomas Hobbes and the Natural Law Tradition.* — Chicago.
- Boyer R.** 1990. *The Regulation School: A Critical Introduction.* — N.Y.
- Boyer R.** *Regulation* (www.peri.umass.edu/fileadmin/pdf/other.../Boyer/ARTICLE.pdf).
- Braudel F.** 2006. *Igry obmena: Material'naja civilizacija, ekonomika i kapitalizm.* — М.

- Burt R.** 1992. *Structural Holes*. — Cambridge.
- Burt R.** 2000. *Structural Holes versus Network Closure as Social Capital*. — Chicago (<http://snap.stanford.edu/class/cs224w-readings/burt-00capital.pdf>).
- Denemark R.**, Friedman J., Gills B.K., Modelski G. (eds.) 2000. *World System History: The Social Science of Long-Term Change*. — L.
- Eucken W.** 1996. *Osnovy nacional'noj ekonomii*. — M.
- Frank A.G.**, Gills B. K. 1996. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* — L., N.Y.
- Jessop B.** 1990. Regulation Theories in Retrospect and Prospect // *Economy and Society*. Vol. 19. № 2.
- Lachmann R.** 2010. *Kapitalisty ponevole: Konflikt elit i ekonomicheskie preobrazovanija v Evrope rannego Novogo vremeni*. — M.
- Laclau E.**, Mouffe C. 2001. *Hegemony and Socialist Strategy*. — L.
- Marglin S.** 1974. What Do Bosses Do // *The Review of Radical Political Economics*. Vol. 5. № 2.
- Mauss M.** 1996. *Obshhestva, obmen, lichnost'*. — M.
- Mises L. von.** 2005. *Chelovecheskaja dejatel'nost': Traktat po ekonomicheskoj teorii*. — Chelyabinsk.
- Montias J.** 1976. *The Structure of Economic Systems*. — New Haven.
- North D.**, Wallis J., Weingast B. 2011. *Nasilie i social'nye porjadki: Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva*. — M.
- Olson M.** 1995. *Logika kollektivnyh dejstvij: Obshhestvennye blaga i teorija grupp*. — M.
- Polanyi K.** 2001. Ekonomika kak institucional'no oformlennyj process // *Ekonomicheskaja sociologija*. № 2.
- Polanyi K.** 2002. *Velikaja transformacija: Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni*. — SPb.
- Reinert E.** 2011. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostajutsja bednymi*. — M.
- Smith A.** 1993. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov*. — M.
- Stark D.**, Vedres B. 2010. Structural Folds: Generative Disruption in Overlapping Groups // *American Journal of Sociology*. Vol. 115. № 4.
- Tilly Ch.** 2009. *Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva: 1990—1992 gg.* — M.
- Wallerstein I.** 2001. *Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mire*. — SPb.